

БИБЛИОТЕКА
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФІИ
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

20 — $\frac{2}{209}$

В. Джемсъ.

ПРАГМАТИЗМЪ

НОВОЕ НАЗВАНІЕ ДЛЯ НѢКОТОРЫХЪ СТАРЫХЪ МЕТОДОВЪ
МЫШЛЕНІЯ.

Популярныя лекціи по философіи.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО П. ЮШКЕВИЧА СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
СТАТЬИ ПЕРЕВОДЧИКА О ПРАГМАТИЗМѢ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.
1910.

2-ая ЛЕКЦІЯ.

ЧТО ТАКОЕ ПРАГМАТИЗМЪ?

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось быть съ цѣлой компаніей въ горахъ. Вернувшись разъ съ прогулки, я засталъ все общество ведущимъ ожесточенный философскій споръ. Объектомъ спора была бѣлка, обыкновенная живая бѣлка. Предполагалось, что она сидитъ на деревѣ, по ту сторону котораго въ прямо противоположномъ направленіи находится человѣкъ. Этотъ человѣкъ желаетъ увидѣть бѣлку, для чего и бѣжитъ быстро вокругъ дерева,—но напрасно: какъ скоро ни бѣжитъ онъ, бѣлка съ той же скоростью движется въ противоположную сторону, такъ что дерево все время закрываетъ ее отъ человѣка, и онъ никакъ не можетъ ея увидѣть. Отсюда возникла философская проблема: *движется ли человекъ вокругъ бѣлки или нѣтъ?* Конечно, онъ движется вокругъ дерева, на которомъ расположилась бѣлка; но движется ли онъ вокругъ бѣлки? При неограниченномъ свободномъ времени, которое имѣлось въ этомъ пустынномъ мѣстѣ у спорящихъ, аргументація была подъ конецъ вся исчерпана. Всякій составилъ себѣ опредѣленное мнѣніе, на которомъ и стоялъ упорно. Такъ какъ голоса раздѣлились пополамъ, то, когда я подошелъ, обѣ стороны обратились ко мнѣ, чтобы съ моей помощью получить большинство. Помня схоластическое правило, что тамъ, гдѣ встрѣчается противорѣчіе, тамъ надо установить различіе, я сталъ искать таковое и сейчасъ же его нашелъ.

„Вопросъ о томъ, какая изъ сторонъ права“, сказалъ я, „зависитъ отъ того, какой *практической* смыслъ вы вкладываете въ выраженіе «двигаться вокругъ» бѣлки. Если «двигаться вокругъ»

бѣлки» значить переходить отъ ея сѣвера къ востоку, затѣмъ къ югу, западу, потомъ опять къ сѣверу, то, разумѣется, человѣкъ движется вокругъ бѣлки, ибо онъ послѣдовательно занимаетъ всѣ эти положенія. Если-же, наоборотъ, употребляя это выраженіе, вы имѣете въ виду, чтобы быть сперва *vis-à-vis* бѣлки, затѣмъ по правую руку отъ нея, затѣмъ сзади, затѣмъ по лѣвую руку и, наконецъ, сызнова *vis-à-vis*, то точно такъ же разумѣется, что человѣкъ не движется вокругъ бѣлки, ибо, благодаря производимымъ ею компенсирующимъ движеніямъ, она все время показываетъ человѣку свое брюхо и прячетъ отъ него спину. Установите это различіе, и тогда не будетъ никакихъ основаній для дальнѣйшаго спора. Обѣ стороны правы или неправы, въ зависимости отъ того, въ какомъ практическомъ смыслѣ онѣ употребляютъ выраженіе «двигаться вокругъ».

Лишь одинъ или двое изъ болѣе пылкихъ спорщиковъ нашли въ моемъ рѣшеніи софистическую уловку, говоря, что имъ дѣлать нѣтъ до разныхъ схоластическихъ тонкостей и что они имѣли въ виду просто то, что обыкновенно понимается подъ словомъ „вокругъ“. Большинство же, повидимому, признало, что сдѣланное мной различіе устраняетъ предметъ разногласія.

Я привелъ этотъ незначительный анекдотъ, какъ особенно простой образчикъ примѣненія *прагматическаго метода*, о которомъ собираюсь теперь говорить. Прагматическій методъ это прежде всего методъ улаживанія философскихъ споровъ, которые безъ него могли бы тянуться безъ конца. Представляетъ ли собою міръ единое или многое? — царить ли въ немъ свобода или необходимость? — лежитъ ли въ основѣ его матеріальный принципъ или духовный? Все это одинаково правомѣрныя точки зрѣнія на міръ, — и споры о нихъ безконечны. Прагматическій методъ въ подобныхъ случаяхъ пытается истолковать каждое мнѣніе, указывая на его практическія слѣдствія. Какая получится для кого-нибудь практическая разница, если принять за истинное именно это мнѣніе, а не другое? Если мы не въ состояніи найти никакой практической разницы, то оба противоположныхъ мнѣнія означаютъ по существу одно и то же, и всякій дальнѣйшій споръ здѣсь бесполезенъ. Серьезный споръ возникаетъ только въ томъ случаѣ,

когда мы можем указать на какую-нибудь практическую разницу, вытекающую из допущения, что права какая-нибудь одна из сторонъ.

Взглядъ, брошенный на исторію этого ученія, выяснитъ намъ еще лучше, что такое прагматизмъ. Название это произведено отъ того самаго греческаго слова *πράγμα* (значитъ „дѣйствіе“), отъ котораго происходятъ наши слова „практика“ и „практический“. Впервые оно было введено въ философію Чарльсомъ Пирсомъ (Peirce) въ 1878 г. Въ статьѣ подъ заглавіемъ „How to make Our Ideas Clear“ („какъ сдѣлать наши идеи ясными“), помѣщенной въ январской книжкѣ журнала „Popular Science Monthly“ за 1878 г. ¹⁾, Пирсъ указываетъ сперва, что наши убѣжденія (beliefs) суть фактически правила для дѣйствія; затѣмъ онъ говоритъ, что для того, чтобъ выяснитъ смыслъ какого нибудь утвержденія, мы должны лишь опредѣлить тотъ способъ дѣйствія (conduct), которое оно способно вызвать: въ этомъ способѣ дѣйствія и заключается для насъ все значеніе даннаго утвержденія. Въ основѣ всѣхъ находимыхъ нами между нашими мыслями (утверженіями) различій — даже самаго тонкаго и сублимальнаго свойства — лежитъ слѣдующій конкретный фактъ: ни одно изъ нихъ не настолько тоноко, чтобы выражаться какъ-нибудь иначе, чѣмъ въ видѣ нѣкоторой возможной разницы въ области практики. Поэтому, чтобы добиться полной ясности въ нашихъ мысляхъ о какомъ-нибудь предметѣ, мы должны только разсмотрѣть, какія практическія слѣдствія содержатся въ этомъ предметѣ, т. е. какихъ мы можемъ ожидать отъ него ощущеній и къ какому рода реакціямъ съ своей стороны мы должны подготовиться. Наше представленіе объ этихъ слѣдствіяхъ—какъ ближайшихъ, такъ и отдаленныхъ—и есть все то, что мы можемъ представить себѣ объ этомъ предметѣ,—поскольку вообще это представленіе имѣетъ какое-нибудь положительное значеніе.

Въ этомъ состоитъ принципъ Пирса, принципъ прагматизма. Въ теченіе двадцати лѣтъ онъ оставался никѣмъ не замѣченнымъ, пока я въ докладѣ, прочитанномъ передъ философскимъ кружкомъ

¹⁾ Цереведена въ Revue Philosophique за январь 1879 г. (т. VII).

профессора Гаусона въ Калифорнiйскомъ университетѣ, не воспользовался имъ и не примѣнилъ его спеціально къ религіи. Къ этому времени (1898) почва была, повидимому, подготовлена для воспріятія новаго ученія. Слово „прагматизмъ“ начинаетъ широко распространяться, и въ настоящее время оно пестритъ на страницахъ философскихъ журналовъ. Со всѣхъ сторонъ говорятъ о прагматическомъ движеніи, говорятъ иногда почтительно, иногда пренебрежительно, но рѣдко съ яснымъ повиманіемъ сути дѣла. Ясно, что это названіе отлично подошло къ цѣлому ряду философскихъ направленій, которымъ до сихъ поръ не хватало общаго имени, и что прагматизмъ пустилъ уже ~~тучные~~ корни.

Чтобъ понять все значеніе принципа Пирса, надо научиться примѣнять его въ конкретныхъ случаяхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я замѣтилъ, что Оствальдъ, знаменитый лейпцигскій химикъ, превосходно пользовался принципомъ прагматизма въ своихъ лекціяхъ по натурфилософіи, хотя онъ и не называлъ его этимъ именемъ.

„Всѣ виды реального“, писалъ онъ мнѣ, „влияютъ на нашу практику, и это влияние и есть ихъ значеніе (meaning) для насъ. На своихъ лекціяхъ я обыкновенно ставлю вопросъ слѣдующимъ образомъ: что измѣнилось бы въ мірѣ, если бы изъ конкурирующихъ точекъ зрѣнія была вѣрна та или другая? Если я не нахожу ничего, что могло бы измѣниться, то данная альтернатива не имѣетъ никакаго смысла“.

Иначе говоря, обѣ конкурирующія точки зрѣнія означаютъ практически одну и ту же вещь,—а другого значенія, кромѣ практическаго, для насъ не существуетъ. Въ одномъ напечатанномъ докладѣ Оствальда мы находимъ примѣръ, хорошо поясняющій его мысль. Химики долгое время спорили о внутреннемъ строеніи нѣкоторыхъ тѣлъ, называемыхъ „таутомерными“. Свойства ихъ, повидимому, одинаково хорошо согласовались какъ съ предположеніемъ, что внутри нихъ находятся въ колебательномъ движеніи неустойчивый атомъ водорода, такъ и съ гипотезой, что они представляютъ собой неустойчивыя смѣси изъ двухъ тѣлъ. Завязался ожесточенный, не приведшій ни къ чему определенному споръ. „Споръ этотъ“, замѣчаетъ Оствальдъ, „никогда бы и не на-

чался, если бы спорившіе спросили себя, какая окажется на опытѣ разни́ца, если допустить, что вѣрна та или иная точка зрѣнія. Тогда бы ясно обнаружилось, что никакой такой фактической разницы не можетъ получиться, и оказалось бы, что весь этотъ споръ столь же нереальный и мнимый, какъ препирательство какихънибудь первобытныхъ людей о томъ, благодаря кому подымается замѣшенное тѣсто, благодаря ли эльфамъ или гномамъ“. 1)

Любопытно видѣть, какъ теряютъ все свое значеніе многіе философскіе споры, разъ только вы подвергнете ихъ этому простому методу испытанія и спросите о вытекающихъ изъ нихъ практическихъ слѣдствіяхъ. Не можетъ *быть* разницы въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, которая бы не *составила* разницы въ какомъ-нибудь другомъ, — не можетъ быть разницы въ абстрактной истинѣ, которая бы не выразилась въ конкретныхъ фактахъ и въ вытекающемъ отсюда для кого-нибудь, какъ-нибудь, гдѣ-нибудь и когда-нибудь способѣ дѣйствія. Вся задача философіи должна была бы состоять въ томъ, чтобъ указать, какая получится для меня и для васъ опредѣленная разни́ца въ опредѣленные моменты нашей жизни, если бы была истинной та или иная формула міра.

Въ прагматическомъ методѣ нѣтъ ничего абсолютно новаго. Сократъ былъ приверженцемъ его. Аристотель методически пользовался имъ. Съ помощью его Локкъ, Беркли и Юмъ сдѣлали многія цѣнныя пріобрѣтенія для истины. Шэдуръзъ Ходжсонъ настойчиво повторялъ, что дѣйствительность есть лишь то, за что она „признается“. Но всѣ эти предшественники прагматизма пользовались имъ лишь случайно, урывками: это была какъ бы

1) „Theorie und Praxis“. Zeitschr. des Oesterreichischen Ingenieur- u. Architekten-Vereines 1903 г., №№ 4 и 6
Еще болѣе радикальный и рѣзко выраженный прагматизмъ, чѣмъ у Оствальда, я нахожу въ одной рѣчи профессора В. С. Франклина: „Я думаю, что крайне неправильно то представление о физикѣ—даже если оно раздѣляется учеными—согласно которому она есть „наука о массахъ, молекулахъ и эфирѣ“. И я думаю, что самое правильное представление о физикѣ—даже если оно не вполне раздѣляется учеными—это, что она наука о способахъ получать въ свое распоряженіе тѣла и приводить ихъ въ движеніе“. (Science, 2 января 1903).

прелюдія. Только въ наше время методъ прагматизма приобрѣлъ всеобщій характеръ, созналъ лежащую на немъ мировую миссію и заявилъ о своихъ завоевательныхъ планахъ. Я вѣрю въ эту миссію и эти планы и надѣюсь, что подѣ конецъ воодушевлею васъ своей вѣрой.

Прагматизмъ представляетъ собой отлично знакомое философское направленіе (*attitude*)—именно эмпирическое направленіе,—но онъ представляетъ его, какъ мнѣ кажется, въ болѣе радикальной формѣ и при томъ въ формѣ, менѣе доступной возраженіямъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ выступалъ до сихъ поръ эмпиризмъ. Прагматистъ рѣшительно, разъ навсегда, отворачивается отъ цѣлой кучи застарѣлыхъ привычекъ, дорогихъ профессиональнымъ философамъ. Онъ отворачивается отъ абстракцій и недоступныхъ вещей, отъ словесныхъ рѣшеній, отъ скверныхъ апіорныхъ аргументовъ, отъ твердыхъ, неизмѣнныхъ принциповъ, отъ замкнутыхъ системъ, отъ мнимыхъ абсолютовъ и началъ. Онъ обращается къ конкретному, къ доступному, къ фактамъ, къ дѣйствию, къ власти. Это означаетъ искренній отказъ отъ рационалистическаго метода (*temper*) и признаніе господства метода эмпирическаго. Это означаетъ открытый воздухъ, все многообразіе живой природы, противопоставленныя догматизму, искусственности, притязаніямъ на законченную истину.

Прагматизмъ въ то же время не выступаетъ въ пользу какихъ-нибудь опредѣленныхъ специальныхъ выводовъ. Онъ только методъ. Но полное торжество этого метода повлечетъ за собой колоссальную перемѣну въ томъ, что я на первой лекціи назвалъ „темпераментомъ“ философіи. Сторонникамъ ультра-рационалистическаго метода придется тогда плохо, какъ приходится плохо царедворцамъ въ республикахъ или священникамъ-ультрамонтанамъ въ протестантскихъ странахъ. Наука и метафизика сблизятся между собой и сумѣютъ на дѣлѣ работать дружно, рука въ руку.

Метафизика обыкновенно прибѣгала къ довольно первобытному методу изслѣдованія. Вы знаете, что люди всегда имѣли склонность къ запрещенной закономъ магіи, и вы знаете также, какую роль въ магіи играли всегда *слова*. Духъ, геній, демонъ, вообще всякая чистая и нечистая сила, находятся въ вашей власти, если вы только знаете ея имя или связывающую ее формулу заклинанія.

Соломонъ зналъ имена всѣхъ духовъ и благодаря этому держалъ ихъ у себя въ полномъ подчиненіи. Словомъ міръ всегда представлялся первобытному уму въ видѣ своеобразной загадки, ключъ къ которой нужно искать въ нѣкоторомъ всеозаряющемъ, приносящемъ власть, имени или словѣ. Это слово даетъ *принципъ* міра, и владѣть имъ значитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, владѣть самимъ міромъ „Богъ“, „Матерія“, „Разумъ“, „Абсолютное“, „Энергія“ — все это подобныя, рѣшающія загадку міра, имена. Разъ вы ихъ имѣете, вы можете быть покойны. Вы находитесь тогда у конца своего метафизическаго изслѣдованія.

Но если вы оперируете прагматическимъ методомъ, вы никогда не увидите въ подобномъ словѣ завершенія своего изслѣдованія. Изъ каждаго слова вы должны извлечь его практическую наличную стоимость (*practical cash-value*), должны заставить его работать въ потокъ вашего опыта. Оно разсматривается не столько, какъ рѣшеніе, сколько какъ программа для дальнѣйшей работы, въ частности, какъ указаніе на тѣ методы, съ помощью которыхъ можетъ быть *измѣнена* данная намъ дѣйствительность.

Такимъ образомъ теоріи представляютъ собою не отвѣты на загадки, — отвѣты, на которыхъ мы можемъ успокоиться: — теоріи становятся орудіями. Мы не успокаиваемся въ сладкой бездѣятельности на теоріяхъ, мы идемъ впередъ и сверхъ того при случаѣ измѣняемъ съ ихъ помощью природу. Прагматизмъ дѣлаетъ всѣ наши теоріи менѣе тугими (*unstiffens*), онъ придаетъ имъ гибкость и каждую усаживаетъ за работу. По существу онъ не представляетъ ничего новаго, и поэтому гармонируетъ со многими старыми философскими направленіями.

Такъ, напримѣръ, съ номинализмомъ онъ сходится въ томъ, что постоянно обращается къ частному, индивидуальному; вмѣстѣ съ утилитаризмомъ онъ подчеркиваетъ практическій моментъ дѣйствительности; съ позитивизмомъ онъ раздѣляетъ его презрѣніе къ словеснымъ рѣшеніямъ, къ бесполезнымъ вопросамъ и метафизическимъ абстракціямъ.

Все это, какъ вы видите, *анти-интеллектуалистическія* тенденціи. Противъ притязаній и метода раціонализма прагматизмъ всегда выступаетъ въ полномъ вооруженіи. Но онъ никогда не за-

пишутъ — по крайней мѣрѣ, въ исходномъ своемъ пунктѣ — какихъ-нибудь опредѣленныхъ, специальныхъ теорій. Онъ не имѣетъ никакихъ догматовъ, не выставляетъ никакихъ особыхъ учений; онъ имѣетъ только свой методъ. Какъ хорошо выразился молодой итальянскій прагматистъ Папини, онъ расположенъ посреди нашихъ теорій, подобно корридору въ гостиницѣ. Безчисленное множество номеровъ выходитъ на этотъ корридоръ. Въ одной комнатѣ вы найдете человѣка, пишущаго атеистическій трактатъ; въ ближайшей какой-нибудь другой — человѣкъ молится на колѣняхъ о подааніи вѣры и силы; въ третьей — химикъ изслѣдуетъ свойство тѣла; въ четвертой — обдумывается какая-нибудь система идеалистической метафизики; въ пятой — доказывается невозможность метафизики. Но корридоръ принадлежитъ всѣмъ; всѣ должны пользоваться имъ, если желаютъ имѣть удобный путь, чтобы выходить и заходить въ свои комнаты.

Такимъ образомъ прагматическій методъ отнюдь не означаетъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ результатовъ, — онъ представляетъ собой только извѣстное отношеніе къ вещамъ, извѣстную точку зрѣнія (*attitude of orientation*). *И именно такую точку зрѣнія, которая побуждаетъ насъ отвращать свой взоръ отъ разныхъ принциповъ, первыхъ вещей, „категорій“, мнимыхъ необходимостей, и заставляетъ насъ смотреть по направленію къ послѣднимъ вещамъ, результатамъ, плодамъ, фактамъ.*

Сказаннаго довольно о прагматическомъ методѣ. Вы, можетъ быть, найдете, что я скорѣе расхваливалъ его вамъ, чѣмъ разъяснял, но скорѣ я покажу примѣненіе его на примѣрѣ нѣкоторыхъ хорошо знакомыхъ проблемъ, такъ что вы получите достаточно полное представленіе о немъ. Но надо замѣтить, что слово прагматизмъ стали употреблять и въ болѣе широкомъ смыслѣ, имѣя въ виду также нѣкоторую *теорію истины*. Впослѣдствіи, когда нашъ путь будетъ нѣсколько расчищенъ, я намѣреваюсь посвятить изложенію этой теоріи цѣлую лекцію, поэтому теперь я могу быть очень кратокъ. Но, такъ какъ за схематическимъ, краткимъ изложеніемъ трудно слѣдить, то я попрошу у васъ на четверть часа удвоеннаго вниманія. Если кое-что и останется неяснымъ, то я надѣюсь разъяснить это въ дальнѣйшихъ лекціяхъ.

Одна изъ наиболѣе успѣшно разрабатываемыхъ въ наше время отраслей философіи—это такъ называемая индуктивная логика, т. е. изученіе условій, при которыхъ развивались науки. Съ нѣкотораго времени всѣ пишущіе по этому вопросу стали обнаруживать замѣчательное единодушіе въ своемъ пониманіи того, что представляютъ собой законы природы и элементарные феномены (*elements of fact*), поскольку они выражаются въ математическихъ, физическихъ и химическихъ формулахъ. Когда были найдены первыя математическія, логическія и физическія единообразія—первыя *законы*—то изслѣдователи были такъ поражены получившейся красотой, простотой и ясностью результатовъ, что повѣрили, будто они раскрыли подлинныя мысли Всемогущаго. Оказалось, что его духъ также проявляетъ себя въ грандіозныхъ силлогизмахъ. Оказалось, что и онъ мыслить въ коническихъ сѣченіяхъ, квадратахъ, корняхъ и пропорціяхъ. Онъ занимается геометрией, подобно Эвклиду. Онъ сдѣлалъ то, что планеты въ своемъ движеніи подчиняются Кеплеровымъ законамъ; онъ сдѣлалъ то, что скорость падающихъ тѣлъ растетъ пропорціонально времени; онъ сдѣлалъ то, что лучи свѣта при преломленіи подчиняются закону синусовъ; онъ создалъ классы, порядки, семейства и роды животныхъ и растений и установилъ между ними неизмѣнныя различія. Онъ мыслить архетипы всѣхъ вещей и предназначталъ ихъ измѣненія. И когда мы теперь сызнова открываемъ какое-нибудь изъ этихъ удивительныхъ его предназначтаній, мы улавливаемъ подлинныя намѣренія его духа.

Но вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ науки стала укрѣпляться мысль, что большинство—а, можетъ быть, и всѣ—нашихъ законовъ природы имѣютъ только приблизительный характеръ. Кромѣ того, сами законы стали такъ многочисленны, что ихъ даже невозможно и не сосчитать. Во всѣхъ областяхъ науки имѣются кромѣ того многочисленныя конкурирующія формулировки законовъ, и изслѣдователи мало по малу привыкли къ мысли, что ни одна теорія не есть абсолютно точная копія дѣйствительности и что каждая изъ нихъ можетъ быть полезной съ какой нибудь опредѣленной точки зрѣнія. Огромное значеніе теорій заключается въ томъ, что онѣ суммируютъ старыя факты и ведутъ къ новымъ. Онѣ пред-

ставляютъ собой своеобразный искусственный языкъ, своего рода логическую стенографію, какъ кто-то назвалъ ихъ, служащую намъ для записи нашихъ отчетовъ о природѣ. А всѣ языки, какъ извѣстно, допускаютъ нѣкоторую свободу въ способѣ выраженія, и къ тому же въ нихъ имѣются различныя нарѣчія.

Такимъ образомъ человѣческій произволь изгналъ изъ научной логики божественную необходимость. Если я назову имена Зигварта, Маха, Оствальда, Пирсона, Мильо, Пуанкаре, Дюгема, Рюйсена, то специалисты изъ васъ легко поймутъ, какое направленіе я имѣю въ виду и сумѣютъ присоединить сюда еще другія имена.

Несомне на гребнѣ этой научной волны появляются затѣмъ Шиллеръ и Дью со своимъ прагматическимъ объясненіемъ того, что повсюду означаетъ истина. „Истина“, учатъ они, означаетъ въ нашихъ мысляхъ (ideas) и убѣжденіяхъ то же самое, что она значить въ наукѣ. Это слово означаетъ только то, что *мысли (составляющія сами лишь часть нашего опыта) становятся истинными ровно постольку, поскольку онѣ помогаютъ намъ приходить въ удовлетворительное отношеніе къ другимъ частямъ нашего опыта*, суммировать ихъ и резюмировать съ помощью логическихъ сокращеній вмѣсто того, чтобы слѣдовать за нескончаемой смѣной отдѣльныхъ явленій. Мысль, которая можетъ, такъ сказать, везти насъ на себѣ; мысль, которая успѣшно ведетъ насъ отъ какой-нибудь одной части опыта къ любой другой, которая цѣлесообразно связываетъ между собой вещи, работаетъ надежно, упрощаетъ, экономизируетъ трудъ—такая мысль истинна ровно постольку, поскольку она все это дѣлаетъ. Она истинна, какъ орудіе логической работы, *инструментально*. Въ этомъ заключается инструментальная“ точка зрѣнія на истину, съ такимъ успѣхомъ развиваемая въ Чикаго (Дью), та точка зрѣнія, что истина нашихъ мыслей означаетъ ихъ способность „работать“ на насъ („work“), съ такимъ блескомъ возвѣщенная въ Оксфордѣ (Шиллеромъ).

Дью, Шиллеръ и ихъ сторонники дошли до этой общей теоріи истины, слѣдуя просто примѣру геологовъ, біологовъ и филологовъ. Рѣшительный шагъ въ развитіи и установленіи этихъ наукъ былъ

сдѣланъ плодотворной мыслью исходить изъ какихъ-нибудь простыхъ, наблюдаемыхъ въ настоящее время въ дѣйствии, процессовъ—какъ напримѣръ денудация горъ благодаря вывѣтриванію, уклоненіе отъ родительскаго типа, измѣненіе языка благодаря обогащенію его новыми словами и новыми способами произношенія—и затѣмъ обобщить ихъ, примѣнить ихъ ко всѣмъ временамъ, получая такимъ образомъ огромные результаты отъ суммированія на протяженіи многихъ вѣковъ мелкихъ дѣйствій.

Тотъ доступный для наблюденія моментъ, который Дьюи и Шиллеръ выдѣлили специально для своего обобщенія, заключается въ извѣстномъ всѣмъ процессѣ, съ помощью котораго всякій отдѣльный человѣкъ приспособляется къ *новымъ мнѣніямъ*. Этотъ процессъ повсюду и всегда одинъ и тотъ же. У индивида имѣется уже запасъ старыхъ мнѣній, но случайно онъ наталкивается на новый опытъ, вносящій въ ихъ среду элементъ броженія. Напримѣръ, кто-нибудь противорѣчитъ этимъ мнѣніямъ, или самъ онъ въ минуту размысленія находитъ, что они противорѣчатъ другъ другу, или же онъ узнаетъ о фактахъ, съ которыми они несогласимы, или въ немъ поднимаются желанія, которыхъ они уже не могутъ удовлетворить. Въ результатѣ, во всякомъ случаѣ, получается внутренняя тревога, чуждая до сихъ поръ духу индивида, тревога, отъ которой онъ пытается освободиться, измѣняя свои прежнія мнѣнія. Онъ спасаетъ изъ нихъ столько, сколько только можетъ, такъ какъ въ вопросахъ вѣрованій и убѣжденій всѣ мы крайне консервативны. Онъ пробуетъ измѣнить сперва одно какое-нибудь мнѣніе, потомъ другое (они вѣдь неодинаково поддаются измѣненію), пока, наконецъ, у него не блеснетъ какая-нибудь новая мысль, которую можно присоединить къ старому запасу, произведя въ немъ минимальное нарушеніе, мысль, которая является какъ бы посредникомъ между старымъ и новымъ опытомъ, весьма успѣшно и удачно соединяя ихъ между собой.

Эта новая мысль признается тогда за истинную. Она сохраняетъ старый запасъ истинъ съ минимумомъ измѣненій въ немъ—модифицируя его лишь настолько, насколько это требуется для возможности вмѣщенія новой истины. Этотъ процессъ модификаціи совершается по наиболѣе привычнымъ, наиболѣе протореннымъ

путямъ мышленія. Гипотеза, слишкомъ рѣзко разрывающая съ прошлымъ и нарушающая всё наши предвзятые мнѣнія, никогда не будетъ признана за истинное объясненіе новаго явленія. Мы будемъ упорно искать до тѣхъ поръ, пока не найдемъ чего-нибудь менѣе эксцентричнаго. Даже сильнѣйшій переворотъ въ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ человѣка оставляетъ незатронутыми значительнѣйшую часть его прежнихъ взглядовъ. Время и пространство, причина и слѣдствіе, природа и исторія, весь ходъ собственной жизни человѣка остаются неподверженными дѣйствию подобныхъ переворотовъ. Новая истина всегда посредникъ, всегда миротворецъ. Она сочетаетъ старыя мнѣнія съ новымъ фактомъ при минимумѣ пертурбацій и при максимумѣ непрерывности. Въ нашихъ глазахъ всякая теорія истинна прямо пропорціонально ея успѣху въ разрѣшеніи этой „задачи на максимумъ и минимумъ“. Но, разумѣется, успѣхъ при рѣшеніи этой задачи вещь весьма относительная. Мы говоримъ, на примѣръ, что такая-то теорія въ цѣломъ разрѣшаетъ эту задачу удовлетворительнѣе такой-то другой; но слово „удовлетворительнѣе“ относится здѣсь лишь къ намъ самимъ различные люди будутъ и различно понимать эту удовлетворительность. Такимъ образомъ здѣсь все, до извѣстной степени, пластично, неопредѣленно.

Теперь я вась попрошу обратить особенное вниманіе на роль, которую играютъ старыя истины. Источникомъ многихъ несправедливыхъ обвиненій, направленныхъ противъ прагматизма, является то, что съ этимъ обстоятельствомъ не считаются. Значеніе этихъ старыхъ истинъ вещь первостепенной важности (*absolutely controlling*). Вѣрность и уваженіе къ нимъ это первый принципъ, а въ большинствѣ случаевъ даже единственный принципъ; ибо весьма часто, когда приходится имѣть дѣло съ явленіями, настолько новыми, что они требуютъ серьезнаго измѣненія въ нашихъ прежнихъ мнѣніяхъ, люди игнорируютъ эти послѣднія цѣликомъ или же дурно обращаются съ тѣми, кто стоитъ за нихъ.

Вы, конечно, хотите услышать примѣры, поясняющіе этотъ процессъ роста истины. Единственная трудность здѣсь—это изобиліе матеріала. Простѣйшій случай новой истины мы имѣемъ, разумѣется, тогда, когда къ нашему опыту присоединяются новые виды

фактовъ или новые отдѣльные факты старыхъ видовъ. Это чисто количественное нарастаніе нашего опыта не ведетъ за собой никакихъ измѣненій въ старыхъ воззрѣніяхъ. Дни слѣдуютъ одинъ за другимъ, и вносимое каждымъ изъ нихъ новое содержаніе просто прикладывается къ прежнему запасу. Само по себѣ это новое содержаніе не истинно; оно просто *приходитъ*, оно *есть*. Истина же это то, *что мы говоримъ* о немъ, и когда мы говоримъ, что оно пришло, то истина и заключается просто въ этой формулѣ прибавленія.

Но часто приносимое новымъ днемъ содержаніе принуждаетъ насъ къ модификаціямъ. Если бы я началъ вдругъ издавать пронзительные крики и вести себя, какъ сумасшедшій, на этой кафедрѣ, это побудило бы многихъ изъ васъ измѣнить свое мнѣніе о цѣнности моей философіи.—Въ одинъ прекрасный день появился «радій», какъ новое жизненное содержаніе, и одно время, казалось, вступилъ въ противорѣчіе съ нашими основными воззрѣніями на законѣрность явленій природы, законѣрность, формулированную въ такъ называемомъ законѣ сохраненія энергіи. Когда увидѣли, что радій выдѣляетъ тепло въ неограниченномъ количествѣ и словно выкладываетъ его изъ собственнаго своего кармана, то это показалось нарушеніемъ закона сохраненія энергіи. Что оставалось думать? Если бы допустить, что путемъ лучеиспусканія радій высвобождаетъ особую внутри-атомную «потенціальную» энергію, о существованіи которой до сихъ поръ и не подозрѣвали, то принципъ сохраненія былъ бы спасенъ. Сдѣланное Рэмсеемъ наблюденіе, что въ результатѣ лучеиспусканія радія получается гелій, открывало дорогу для этой гипотезы. Въ настоящее время точка зрѣнія Рэмсея всеми признается истинной: хотя она и расширяетъ наши старыя понятія объ энергіи, но благодаря ей въ прежнихъ нашихъ воззрѣніяхъ произведены минимальныя измѣненія.

Я не буду умножать примѣровъ. Всякое новое мнѣніе признается «истиннымъ» ровно постольку, поскольку оно удовлетворяетъ желанію индивида согласовать и ассимилировать свой новый опытъ съ запасомъ старыхъ убѣжденій. Оно должно одновременно охватывать собой новые факты и тѣсно примыкать къ старымъ истинамъ, и успѣхъ его (какъ я только что сказалъ) зависитъ отъ мо-

ментовъ чисто личнаго, индивидуальнаго свойства. При ростѣ старыхъ истинъ путемъ обогащенія ихъ новыми большую роль играютъ субъективныя основанія. Мы сами являемся составной частью этого процесса и подчиняемся этимъ субъективнымъ основаніямъ. Та новая идея будетъ наиболѣе истинной, которая сумѣетъ наилучшимъ образомъ удовлетворить оба эти нашихъ требованія. Новая идея дѣлаетъ себя истинной, заставляетъ признать себя истинной, въ процессѣ своего дѣйствія, своей «работы». Она словно прививаетъ сама себя къ прежнему запасу истинъ, который такимъ образомъ увеличивается, подобно дереву, растущему благодаря дѣйствію новаго отлагающагося слоя камбія.

Дьюи и Шиллеръ, идя дальше, обобщаютъ это наблюденіе и примѣняютъ его къ самымъ старымъ слоямъ истины. И они тоже нѣкогда были гибкими, пластичными. И они тоже были признаны истинными по субъективнымъ (human) основаніямъ. И они тоже являлись посредниками между еще болѣе древними истинами и такими, которыя въ то время представляли собой новыя наблюденія. Чисто объективной истины,— истины, при установленіи которой не играло бы никакой роли субъективное удовлетвореніе отъ сочетанія старыхъ элементовъ опыта съ новыми элементами, — такой истины нигдѣ нельзя найти. Тѣ основанія, въ силу которыхъ мы называемъ вещи истинными, представляютъ собой также тѣ основанія, въ силу которыхъ онѣ *суть* истинныя, ибо «быть истиннымъ» и *значить* только совершить этотъ актъ сочетанія.

Субъективное, человѣческое, оставляетъ такимъ образомъ на всемъ свой слѣдъ. Истина независимая; истина, которую мы только *находимъ*; истина, которую нельзя приспособить къ человѣческимъ потребностямъ; истина, однимъ словомъ, неисправимая, неизмѣнная—такая истина существуетъ, разумѣется, въ изобиліи,—или же принимается существующей мыслителями рационалистами. Но въ этомъ случаѣ она обозначаетъ лишь мертвую сердцевину живого дерева; ея существованіе означаетъ лишь, что и истина имѣетъ свою палеонтологію, свой срокъ давности, что она съ годами службы окостенѣваетъ, окаменѣваетъ въ глазахъ людей отъ одной только старости. Но какъ гибки еще, тѣмъ не менѣе, и древнѣйшія истины—это было наглядно показано въ наши дни переворотомъ.

происшедшимъ въ логическихъ и математическихъ понятіяхъ, переворотомъ, который, повидимому, захватываетъ уже и физику. Старыя формулы истолковываются теперь, какъ частные случаи гораздо болѣе объемлющихъ принциповъ, о современной формѣ и формулировкѣ которыхъ наши предки не имѣли даже ни малѣйшаго представленія.

Этой теоріи истины Шиллеръ далъ названіе «Гуманизмъ», но такъ какъ и для нея начинаетъ входить во всеобщее употребленіе слово прагматизмъ, то я въ настоящихъ лекціяхъ и буду говорить о ней подъ этимъ именемъ.

Итакъ, прагматизмъ представляется: во-первыхъ — извѣстнымъ методомъ; во-вторыхъ—извѣстной генетической теоріей истины. Въ дальнѣйшемъ темой нашихъ бесѣдъ будутъ обѣ эти вещи.

Большинству изъ васъ, я увѣренъ, сказанное мной о теоріи истины покажется въ виду краткости изложенія неяснымъ и неудовлетворительнымъ. Въ дальнѣйшемъ я постараюсь сдѣлать необходимыя дополненія и разъясненія. Въ лекціи о «здравомъ смыслѣ» я попытаюсь объяснить, что я имѣю въ виду, говоря объ окаменѣвшихъ отъ древности истинъ. Въ другой лекціи я подробнѣе остановлюсь на приведенной выше теоріи, согласно которой наши мысли истинны прямо пропорціонально успѣшности ихъ посреднической миссіи. Въ третьей лекціи я покажу, какъ трудно отличить въ развитіи истины факторы субъективные отъ факторовъ объективныхъ. Вы, можетъ быть, не станете слѣдить за всѣми моими лекціями; а если и станете, то, можетъ быть, не во всемъ согласитесь со мной. Но я увѣренъ во всякомъ случаѣ, что вы вполне серьезно и съ должнымъ вниманіемъ отнесетесь къ моей попыткѣ.

Вы, вѣроятно, съ изумленіемъ узнаете, что на теоріи Шиллера и Дьюи посыпался градъ насмѣшекъ и издѣвательствъ. Весь раціонализмъ въ своемъ цѣломъ возсталъ противъ нихъ. Въ вліятельныхъ кругахъ особенно рѣзко накинулись на Шиллера; его третировали, какъ негоднаго школьника, заслуживающаго того, чтобы его высѣчь. Я упоминаю объ этомъ лишь потому, что этотъ фактъ бросаетъ много свѣта на раціоналистическій темпераментъ, который я противопоставилъ темпераменту прагматизма. Прагма-

тизмъ чувствуетъ себя неудобно, неуютно вдали отъ фактовъ. Раціонализмъ чувствуетъ себя отлично лишь посреди абстракцій. Всѣ эти прагматическія рѣчи объ истинахъ во множественномъ числѣ, объ ихъ пользѣ и приносимомъ ими удовольствіи, объ успѣхѣ, съ которыми онѣ «работаютъ» и пр.—все это наводитъ человѣка интеллектуалистической складки на мысль о какихъ-то грубыхъ, низкопробныхъ поддѣлкахъ и суррогатахъ истины. Такія истины для него не реальныя истины. Такія сужденія чисто субъективны. Объективная истина, напротивъ того, должна быть чѣмъ-то неутилитарнымъ, высокимъ, утонченнымъ, отдаленнымъ, возвышеннымъ, витающимъ надъ землею. Объективная истина должна быть абсолютнымъ соотвѣтствіемъ между нашими мыслями и столь же абсолютной дѣйствительностью. Она должна быть тѣмъ, что мы *обязаны* мыслить безусловно. Условный характеръ того, какъ мы *фактически* мыслимъ, не имѣетъ здѣсь никакого значенія: это касается психологіи. Долой во всѣхъ этихъ вопросахъ психологію, и да здравствуетъ логика!

Взгляните, какъ великъ контрастъ между обоими этими духовными типами! Прагматизмъ примѣняется къ конкретному, къ фактическому, наблюдаетъ истину за ея работой въ отдѣльныхъ случаяхъ и затѣмъ обобщаетъ. Истина для него—это родовое названіе для всѣхъ видовъ опредѣленныхъ рабочихъ цѣнностей въ опытѣ. Для раціоналиста она остается чистой абстракціей, передъ голымъ именемъ которой мы должны почтительно преклоняться. Въ то время, какъ прагматистъ пытается показать обстоятельно, *почему* именно мы должны оказывать истинѣ такое почтеніе, раціоналистъ не въ состояніи узнать тѣхъ конкретныхъ фактовъ, изъ которыхъ извлечена его собственная абстракція. Онъ обвиняетъ насъ въ томъ, что мы *отрицаемъ* истину. На самомъ же дѣлѣ мы стараемся лишь точно объяснить, почему люди ищутъ истину и всегда обязаны искать ее. Человѣкъ абстрактнаго склада мысли буквально отпращиваетъ при видѣ конкретныхъ фактовъ: *ceteris paribus* онъ рѣшительно предпочитаетъ все блѣдное, призрачное, схематичное. Если бы ему предложили на выборъ два міра, онъ непременно взялъ бы себѣ міръ безплотныхъ схемъ, а не богатый и

разнообразный міръ конкретной дѣйствительности. Схема чище, яснѣе, благороднѣе.

Я надѣюсь, что съ дальнѣйшимъ ходомъ лекцій прагматизмъ, благодаря своей конкретности и близости къ фактамъ, сумѣетъ завоевать къ себѣ ваши симпатіи. Въ своей приверженности къ фактическому онъ только слѣдуетъ примѣру другихъ наукъ, объясняя неизвѣстное черезъ извѣстное, уже наблюденное. Прагматизмъ гармонически объединяетъ старое и новое. Онъ превращаетъ абсолютно пустое понятіе статическаго отношенія „соотвѣтствія“ между нашимъ духомъ и дѣйствительностью (позже мы разберемся въ томъ, что собственно это значить) въ доступное и ясное для всякаго понятія о дѣятельномъ и многообразномъ взаимодействіи между нашими частными мыслями и великимъ міромъ чужихъ опытовъ, въ которомъ эти мысли играютъ свою роль и имѣютъ свое значеніе.

Но въ настоящій моментъ довольно объ этомъ. Я долженъ отложить на позже оправданіе того, что теперь говорю. Пока же я желаю сказать нѣсколько словъ въ объясненіе сдѣланнаго мной на предыдущей лекціи утвержденія, будто прагматизмъ сумѣетъ объединить въ одно гармоническое цѣлое эмпирической складъ мышленія съ религиозными потребностями человѣчества.

Вы помните, вѣроятно, мое замѣчаніе о томъ, что люди, которые по своему темпераменту являются горячими поклонниками фактовъ, отталкиваются отъ модной нынѣ идеалистической философіи, обнаруживающей весьма слабую симпатію и интересъ къ фактической дѣятельности. Эта философія для нихъ чрезчуръ интеллектуалистична. Старомодный теизмъ съ его Богомъ—небеснымъ монархомъ, скроеннымъ изъ кучи непонятныхъ или недѣльныхъ „атрибутовъ“, былъ довольно плохъ. Все-таки въ этомъ теизмѣ еще чувствовался нѣкоторый контактъ съ конкретной дѣйствительностью, пока онъ упорно держался за аргументъ отъ наблюдаемой въ природѣ цѣлесообразности. Но съ тѣхъ поръ, какъ дарвинизмъ изгналъ разъ навсегда телеологическія концепціи изъ умственного обихода представителей науки, теизмъ потерялъ и эту свою опору. Единственное представленіе о божествѣ, которое еще въ силахъ завладѣть воображеніемъ современника—это представленіе о нѣкоторомъ

имманентномъ пантеистическомъ богѣ, дѣйствующемъ скорѣе во вещахъ, чѣмъ надъ ними. Въ наше время люди, ищущіе философской религіи, обыкновенно съ бѣльшими надеждами обращаются къ идеалистическому пантеизму, чѣмъ къ старому дуалистическому теизму, хотя—надо замѣтить—и послѣдній еще имѣетъ довольно искусныхъ защитниковъ.

Но, какъ я уже сказалъ на первой лекціи, для людей, любящихъ факты, для людей эмпирическаго склада мысли, не легко усвоить себѣ предлагаемую имъ здѣсь разновидность пантеизма. Это пантеизмъ абсолютистской марки, вскормленный на чистой логикѣ, презирающій прахъ. У него нѣтъ никакой связи съ конкретной дѣйствительностью. Абсолютный Духъ—служащій ему суррогатомъ Бога—утверждается имъ, какъ рациональная предпосылка всѣхъ рѣшительно отдѣльныхъ явленій. Но онъ въ высшей степени равнодушенъ къ тому, что на самомъ дѣлѣ представляютъ собой въ нашемъ мѣрѣ отдѣльные факты. Чѣмъ бы эти факты ни были, абсолютное есть ихъ источникъ и начало. Какъ въ баснѣ Эзона о больномъ львѣ, всѣ слѣды ведутъ въ берлогу Абсолютнаго, но *nulla vestigia retrorsum* (ни одинъ слѣдъ не ведетъ обратно). Съ помощью Абсолютнаго вы не можете спуститься въ мѣрѣ конкретной дѣйствительности. Исходя изъ своего понятія объ Абсолютномъ, вы не сумѣете сдѣлать ни одного сколько нибудь значительнаго и важнаго для вашей жизни конкретнаго вывода. Конечно, Абсолютное внушаетъ вамъ увѣренность, что для *Него*, для его вѣчныхъ путей мышленія, все обстоитъ превосходно. Но затѣмъ оно предоставляетъ васъ и ваше конечное спасеніе на собственныя ваши слабыя силы.

Отъ меня, разумѣется, далека мысль отрицать все величіе этой концепціи или отнимать у нея способность давать религиозное утѣшеніе цѣлой категоріи весьма почтенныхъ лицъ. Но съ чисто человѣческой точки зрѣнія нельзя спорить противъ того, что это ученіе страдаетъ абстрактностью, отчужденностью отъ всего мірскаго. Оно вполне продуктъ того, что я рискнулъ назвать рационалистическимъ темпераментомъ. Оно пренебрегаетъ нуждами эмпиризма. На мѣсто реального міра съ его богатствомъ и многообразіемъ оно подставляетъ какую то блѣдную схему. Оно утонченно красиво, оно бла-

городно въ томъ дурномъ смыслѣ, по которому быть благороднымъ значить быть неспособнымъ къ черной работѣ. Въ этомъ дѣйстви-тельномъ мірѣ, полномъ грязи и пота, когда говорятъ о какомъ-нибудь міровоззрѣніи, что оно „благородно“, это, должно, по моему, являться какъ бы презумпціей противъ истинности даннаго ученія, своего рода философской дисквалификаціей. Князя тьмы намъ изображаютъ въ видѣ джентльмена; но Богъ неба и земли—чѣмъ бы онъ ни былъ въ другихъ отношеніяхъ — во всякомъ случаѣ не джентльменъ. Намъ здѣсь на землѣ, во прахѣ нашихъ человѣческихъ мукъ, его черная работа нужнѣе, чѣмъ нужно его величіе на небесахъ.

Прагматизмъ, какъ онъ ни приверженъ къ фактамъ, отличается однако тѣмъ отъ обычнаго эмпиризма, что не тяготеетъ, подобно ему, къ матеріализму. Больше того, онъ ничего не имѣетъ противъ употребленія абстракцій, если ими пользуются лишь съ той цѣлью, чтобъ лучше разбираться въ конкретныхъ фактахъ, и если онѣ дѣйствительно ведутъ къ чему-нибудь. Такъ какъ онъ принимаетъ лишь такіе выводы, которые вырабатываются совмѣстно нашимъ духомъ и нашимъ опытомъ, то онъ не имѣетъ апіорныхъ предубѣжденій противъ религіи. *Если окажется, что религіозныя идеи имѣютъ цѣнность для дѣйствительной жизни, то, съ точки зрѣнія прагматизма, онѣ будутъ истинны въ мѣру своей пригодности для этого. Что же касается вопроса о томъ, можно ли имъ приписать ббльшую мѣру истинности, то рѣшеніе его будетъ цѣликомъ зависеть отъ ихъ отношеній къ другимъ истинамъ, которыя тоже должны быть признаны.*

Это положеніе можно примѣнить къ сказанному мной сейчасъ о теоріи Абсолютнаго, выдвигаемой трансцендентальнымъ идеализмомъ. Я назвалъ это ученіе величественнымъ и сказалъ, что оно доставляетъ религіозное утѣшеніе цѣлой категоріи лицъ, но въ то же время я упрекалъ его въ отчужденности отъ всего мірскаго и въ бесплодности. Но, поскольку Абсолютное доставляетъ это утѣшеніе, оно, конечно, не бесплодно; оно имѣетъ эту мѣру цѣнности; оно исполняетъ реальную, конкретную функцію. Въ качествѣ хорошаго прагматиста я обязанъ былъ бы самъ назвать Абсолютное „постольку“ истиннымъ, и я, не колеблясь, дѣлаю это теперъ.

Но что собственно означает въ данномъ случаѣ выраженіе *постольку*? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны лишь при-
мѣнить къ нему прагматическій методъ. Что имѣютъ въ виду въ-
рующіе въ Абсолютное, когда говорятъ, что эта вѣра доставляетъ
имъ утѣшеніе? Ходъ ихъ мыслей таковъ: разъ въ Абсолютномъ
все конечное зло уже преодолено, то мы вправѣ—когда мы только
этого захотимъ—разсматривать все временное и преходящее, какъ
потенціально вѣчное, мы можемъ съ увѣренностью уповать на исходъ
его и, нисколько не грѣша, оставить всѣ ненужные страхи и заботы
о нашей конечной отвѣтственности. Словомъ, они думаютъ, что мы
имѣемъ право устраивать себѣ иногда, такъ сказать, духовныя ва-
каціи (*moral holiday*), предоставить колесницѣ міровой исторіи
катиться по собственной своей волѣ, съ сознаниемъ, что судьбы
міра въ лучшихъ рукахъ, чѣмъ наши, и что намъ нечего въ нихъ
вмѣшиваться.

Вселенная—это такая система, индивидуальныя члены которой
могутъ при случаѣ отбросить отъ себя всѣ тревоги, система, въ которой
имѣютъ право на существованіе настроеніе беззаботности и духов-
ныя вакаціи: такова, если я не ошибаюсь, хотя бы часть того,
что понимаютъ подъ Абсолютнымъ,—такова та крупная разница
въ нашихъ конкретныхъ опытахъ, въ которой заключается его
истинность для насъ,—такова его цѣнность наличными, если истол-
ковать его прагматически. Обыкновенный профанъ въ философіи,
имѣющій благопріятное мнѣніе объ абсолютномъ идеализмѣ, не от-
важивается въ своихъ представленіяхъ объ Абсолютномъ идти
дальше этого. Абсолютное пригодно для него ровно постольку,—и
это „постольку“ само ужъ очень цѣнно. Поэтому онъ чувствуетъ
себя неприятно, когда мы съ невѣріемъ говоримъ объ Абсолютномъ,
и не обращаетъ вниманія на нашу критику, такъ какъ она имѣетъ
дѣло съ тѣми сторонами идеалистической концепціи, за которыми
онъ не въ состояніи слѣдовать.

Если Абсолютное означаетъ это—и только это—то кто будетъ
въ состояніи отрицать истину его? Отрицать его—это значило бы
утверждать, что люди никогда не должны сбрасывать съ себя за-
ботъ и устраивать себѣ вакаціи.

Я хорошо понимаю, какимъ дикимъ должно казаться многимъ

изъ васъ утверженіе, что какая-нибудь мысль „истинна“ постольку, поскольку вѣра въ нее выгодна для нашей жизни. Вы легко, конечно, согласитесь, что, поскольку мысль полезна, она хороша. Если то, что мы дѣлаемъ съ помощью какой-нибудь мысли, хорошо, то вы готовы будете признать, что и мысль сама хороша въ той же мѣрѣ, ибо, обладая ею, мы чувствуемъ себя лучше. Но не значить ли это, скажете вы, злоупотреблять смысломъ слова „истина“ если на основаніи этого называть мысли также и „истинными“?

Отвѣтить исчерпывающимъ образомъ на этотъ трудный вопросъ для меня, въ данной стадіи моего изложенія, невозможно. Вы затрагиваете здѣсь самый центральный пунктъ нашего (т. е. Шиллера, Дьон и моего собственнаго) ученія объ истинѣ, и подробно анализировать его я сумѣю только въ шестой лекціи. Теперь позвольте мнѣ лишь сказать, что истина—это *разновидность благого* а не, какъ это обыкновенно думаютъ, отличная отъ благого и соподчиненная съ нимъ категорія. *Истиннымъ называется все то, что оказывается благимъ въ области убѣжденій, и благимъ въ добавокъ въ силу определенныхъ наглядныхъ основаній.* Вы, конечно, согласитесь, что если бы въ истинныхъ мысляхъ не было ничего хорошаго для жизни, если бы знаніе ихъ было положительно вредно, а полезными были бы только ложныя мысли, то никогда не образовалось бы и не приняло бы характера догмы хотяче мнѣніе, что истина божественна и драгоценна и что обязанность каждаго стремиться къ истинѣ. Въ мірѣ, подобномъ этому, нашимъ долгомъ было бы скорѣе *бѣжать* отъ истины. Въ нашемъ же дѣйствительномъ мірѣ мы видимъ, что подобно тому, какъ нѣкоторыя питательныя вещества бываютъ не только пріятны на вкусъ, но и хороши для нашихъ зубовъ, нашего желудка, нашихъ тканей, такъ и нѣкоторыя идеи не только пріятны, какъ объекты мышленія или какъ опоры для другихъ, дорогихъ намъ, идей, но и полезны также въ практической борьбѣ жизни. Если бы передъ нами былъ какой-нибудь иной, лучший, образъ жизни и если бы вѣра въ какую-нибудь идею помогала намъ вести этотъ образъ жизни, тогда дѣйствительно было бы для насъ лучше вѣрить въ эту идею,—*исключая, разумѣется, тотъ случай, когда въра въ нее пришла бы*

съ столкновение съ другими, болѣе важными, жизненными интересами.

„То, во что было бы для насъ лучше вѣрить!“ Это звучитъ вполне, какъ опредѣленіе истины. Это похоже очень на то, какъ если бы сказать: „то, во что мы *обязаны* вѣрить“: а въ *этомъ* опредѣленіи никто изъ васъ не найдетъ ничего дикаго. Развѣ мы не обязаны всегда вѣрить въ то, во что *для насъ лучше* вѣрить? И можемъ ли мы тогда на долго разлучить понятіе того, что для насъ лучше, отъ того, что для насъ истинно?

Прагматизмъ даетъ на это отрицательный отвѣтъ, и я съ нимъ вполне согласенъ. Вѣроятно, вы также съ этимъ согласитесь, поскольку вопросъ ставится въ абстрактной, общей формѣ. Но у васъ остается подозрѣніе, что, если мы на практикѣ будемъ вѣрить во все, что хорошо для нашей личной жизни, то мы начнемъ снисходительно относиться ко всякаго рода фантастическимъ измышленіямъ насчетъ этого міра и ко всякаго рода сантиментальнымъ суевѣріямъ насчетъ того міра. Ваше подозрѣніе, несомнѣнно, вполне основательно, и очевидно, что при переходѣ отъ абстрактной формулы къ конкретной дѣйствительности происходитъ нѣчто, усложняющее положеніе вещей. Я сказалъ сейчасъ передъ этимъ, что то, во что для насъ лучше вѣрить, истинно, *исключая тотъ случай, когда эта вѣра приходитъ въ столкновение съ какими-нибудь другимъ жизненнымъ интересомъ.* Но въ дѣйствительной жизни съ какими жизненными интересами особенно легко способно притти въ столкновение какое-нибудь опредѣленное частное убѣжденіе? Очевидно, съ жизненными интересами, вызываемыми *другими убѣжденіями*, если эти послѣднія оказываются несовмѣстимыми съ первыми. Иначе говоря, величайшимъ врагомъ любой изъ нашихъ истинъ является вся масса нашихъ прочихъ истинъ. У истинъ необычайно могучій инстинктъ самосохраненія и желаніе истребить все то, что противорѣчитъ имъ. Моя вѣра въ Абсолютное, основанная на сознаніи того блага, которое доставляетъ мнѣ эта вѣра, должна, если можно такъ выразиться, пройти сѣвось строй всѣхъ моихъ остальныхъ истинъ. Допустимъ, что она истинна въ томъ отношеніи, что даетъ мнѣ духовныя вакаціи. Тѣмъ не менѣе Абсолютное, какъ я его понимаю—позвольте мнѣ говорить откровенно

и только отъ своего собственнаго имени—приходить въ столкнове-
ніе съ другими моими истинами, и ради него я совсѣмъ не на-
мѣренъ пожертвовать доставляемой мнѣ ими пользой. Можетъ ока-
заться, что Абсолютное ассоціируется съ такими логическими кон-
цепціями, къ которымъ я отношусь враждебно, или же что оно
запутываетъ меня въ непріемлемые для меня метафизическіе па-
радоксы, и т. д., и т. д. Но у меня уже и такъ довольно непріят-
ностей въ жизни и у меня нѣтъ никакой охоты прибавлять къ
нимъ новыхъ, происходящихъ отъ разныхъ логическихъ несураз-
ностей, связанныхъ съ теоріей Абсолютнаго,—поэтому я лично и
жертвую Абсолютнымъ. Я тоже устраиваю себѣ духовныя вакаціи,
но, какъ профессиональный философъ, я пытаюсь оправдать ихъ,
исходя изъ какого-нибудь другого принципа.

Если бы я могъ ограничить свое понятіе объ Абсолютномъ
только его функціей давать вакаціи, то оно, конечно, не пришло
бы въ столкновение съ другими моими истинами. Но мы не въ
состояніи ограничивать такимъ образомъ своихъ гипотезъ. У нихъ
имѣются еще добавочные признаки, и они то именно и приходятъ
въ столкновение съ накопленнымъ запасомъ истинъ. Мое сомнѣніе
въ Абсолютномъ означаетъ собственно сомнѣніе въ этихъ добавоч-
ныхъ признакахъ, ибо я вполне вѣрю въ законѣрность духов-
ныхъ вакацій.

Теперь вы понимаете, что я имѣлъ въ виду, когда назвалъ
прагматизмъ посредникомъ и миротворцемъ и когда—заимствуя
это выраженіе у Папини—сказалъ, что онъ дѣлаетъ наши теоріи
„менѣе тугими“. Дѣйствительно, прагматизмъ не имѣетъ никакихъ
предубѣжденій, никакихъ стѣсняющихъ свободное изслѣдованіе
догматовъ, никакихъ неизмѣнныхъ канонѳвъ и критеріевъ. Пра-
гматизмъ вполне свободенъ, открытъ всему (genial). Онъ считается
со всякой гипотезой, прислушивается ко всякимъ аргументамъ.
Отсюда слѣдуетъ, что въ религіозной области онъ имѣетъ огром-
ное преимущество, какъ передъ позитивистическимъ эмпиризмомъ съ
его антирелигіозной тенденціей, такъ и передъ религіознымъ ра-
ціонализмомъ съ его исключительнымъ тяготѣніемъ къ отчужден-
ному отъ міра, благородному, простому, абстрактному.

Словомъ, прагматизмъ расширяетъ попріще для исканія Бога.

Рационализм прилѣпляется къ логикѣ, и къ небесамъ. Эмпиризмъ прилѣпляется къ вѣшнимъ чувствамъ. Прагматизмъ же готовъ остановиться на чемъ угодно, готовъ слѣдовать за логикой или за чувствами и считается съ самыми скромными, самыми личными переживаніями. Прагматизмъ готовъ считаться и съ мистическимъ опытомъ, если онъ имѣетъ практическія слѣдствія. Онъ готовъ принять Бога, живущаго въ глубочайшей тьмѣ личной жизни, если только окажется, что здѣсь возможно найти его.

Истиной прагматизмъ признаетъ то,—и это единственный его критерій истины—что лучше всего „работаетъ“ на насъ, ведетъ насъ, что лучше всего подходитъ къ каждой части жизни и соединимо со всей совокупностью нашего опыта,—при чемъ ничего не должно быть опущено. Если религіозныя идеи выполняютъ эти условія, если, въ частности, окажется, что понятіе о Богѣ удовлетворяетъ имъ, то на какомъ основаніи прагматизмъ будетъ отрицать бытіе Божіе? Для него это будетъ просто бессмыслицей, если признавать „неистиннымъ“ понятіе, столь плодотворное въ прагматическомъ отношеніи. Развѣ для прагматизма имѣется какой-нибудь другой видъ истины, какъ не подобное согласіе съ конкретной дѣйствительностью?

Въ своей послѣдней лекціи я еще вернусь къ вопросу объ отношеніяхъ между прагматизмомъ и религіей. Но вы уже замѣчаете, какой демократическій характеръ носить прагматизмъ. Его способы дѣйствія такъ же разнообразны и гибки, его ресурсы такъ же богаты и безмѣрны, и его выводы такъ же любвеобильны, какъ у самой матери природы.